

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАКОНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КОНСТИТУЦИОННОМ (УСТАВНОМ) КОНТРОЛЕ*

В статье исследуются различия в правовом регулировании вопроса о конституционных (уставных) судах в субъектах Российской Федерации. Установлено, что законы, посвященные конституционному (уставному) правосудию, в одной группе субъектов Российской Федерации относятся к обычным, текущим, а в другой группе субъектов имеют особый статус. Сделан вывод о том, что закон о конституционном (уставном) суде необходимо выделять из числа текущих законов, исходя из значимости вопроса о соблюдении Конституции (Устава).

Ключевые слова: закон о конституционном (уставном) суде; конституционный (уставный) закон; конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации; конституционный контроль.

The article explores the differences in the legal regulation of the issue of constitutional (charter) courts in the subjects of the Russian Federation. It is established that the laws devoted to constitutional (charter) justice in one group of subjects of the Russian Federation belong to ordinary, current, and in the other group of subjects have a special status. It was concluded that the law on constitutional (charter) court should be withdrawn from a number of ordinary laws due to the importance of the issue of compliance with the Constitution (Charter).

Keywords: law on the constitutional (charter) court, constitutional (charter) law; constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation; constitutional control.

Основы правового регулирования конституционного контроля в России были заложены законодательством начала XX века, а именно Высочайше утвержденными Основными государственными законами 23 апреля 1906 года. Оценивая значение положений данного акта, Г.Ф. Шершеневич писал, что Сенат проверяет конституционность Высочайше утвержденных актов, «по крайней мере с формальной стороны их издания» [11].

В советском праве конституционный контроль как самостоятельная обозначенная законодателем функция практически не был востребован. На короткий период, с 1923-го по 1933 год, Верховный суд СССР получил право давать заключения о «законности с точки зрения Конституции Союза ССР тех

или иных постановлений центральных исполнительных комитетов и советов народных комиссаров Союзных Республик, а также Совета Народных Комиссаров Союза ССР», что предусмотрено пунктом 6 статьи 2 Положения о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик, утвержденного постановлением Президиума ЦИК СССР от 23 ноября 1923 года [9].

Но ни в Конституции СССР 1924 года, ни в последующих советских Конституциях этот институт не был предусмотрен.

Только в конце 80-х — начале 90-х годов законодательно оформлено создание вначале Комитета Конституционного надзора СССР, а затем и Конституционного Суда Российской Федерации.

По примеру федерального законодателя этот институт приняли на вооружение и субъекты федерации. В 1991 году конституцион-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00102 «Становление и развитие конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации».

ный суд создается в Дагестане, в 1992-м – в республиках Башкортостан, Саха (Якутия) и Кабардино-Балкарской Республике и т. д.

Следует отметить, что обычно конституционный контроль либо централизован, т. е. осуществляется специально на то уполномоченным органом, либо децентрализован, т. е. рассредоточен между судами общей юрисдикции. Судебный же контроль может быть либо диффузным (контроль, осуществляемый всеми судами), либо концентрированным (контроль, на который уполномочен только Верховный суд) [12]. А система, сочетающая автономные органы конституционного контроля на уровне федерации и субъектов федерации, встречается крайне редко.

Обосновывая саму возможность конституционного контроля на уровне субъекта федерации, исследователи часто ссылаются на положительный опыт Германии.

Однако в отличие от России правовое регулирование конституционного правосудия субъектов в этом государстве шло несколько иным путем.

Если в нашей стране субъекты в вопросе конституционного контроля в основном следовали за федеральным законодателем, то в Германии были и субъекты-«пионеры», обогнавшие законы федерации: «развитие конституционного правосудия в различных регионах ФРГ тесно связано с их конституционной историей, и на этом основании конституции и суды земель можно разделить на три группы. *Первую* группу составляют земли, конституции которых вступили в силу до принятия Основного закона ФРГ (1949), а конституционные суды возникли, соответственно, ранее Федерального конституционного суда (1951). Они стали образцами для федерального законодательства и государственного строительства. В эту группу входят следующие земли: *Бавария, Гессен, Рейнланд-Пфальц и Бремен*» [4, с. 133]. При этом отмечалось, что «становление института конституционного контроля современного типа началось в Германии только после Второй мировой войны. При этом создание конституционных судов земель предшествовало федеральной конституционной юстиции и определенным образом повлияло на ее модель» [8, с. 8].

Еще один важный момент состоит в том, что Конституция ФРГ, в отличие от российской, упоминает суды субъектов федерации, чем создает основу для их дальнейшего правового оформления на уровне законодательства субъектов.

Согласно пункту 4-в статьи 93. (1) Федерального конституционный суд разрешает дела «по конституционным жалобам общин и объединений общин по поводу нарушения законом права на самоуправление, предусмотренное статьей 28, а в отношении законов земель при условии, что жалоба не может быть подана в *Конституционный суд земли*» (здесь и далее выделено мной. – *И.М.*).

Аналогичным способом упоминаются суды земель и в пункте 3 статьи 100, предусматривающей, что в случае, «если при толковании Основного закона *конституционный суд земли* намеревается отступить от решения Федерального Конституционного суда или *конституционного суда другой земли*, этот конституционный суд должен получить решение Федерального конституционного суда». Сам факт существования судов земель рассматривается в контексте гарантии конституционного строя в землях, но при этом «учреждение земельных конституционных судов в Германии является проявлением конституционной автономии земель как государственноподобных субъектов федерации, имеющих самостоятельное конституционное пространство и свое конституционное право» [8, с. 8].

В России же, как справедливо отметил А.А. Иванов, «далеко не все исследователи согласны с выводом о том, что Конституция России определила легитимность формирования института регионального судебного конституционного контроля, поскольку она даже и не упоминает о конституционных (уставных) судах субъектов Федерации» [7, с. 3].

В силу многолетнего исторического опыта и дискуссий по поводу конституционного контроля, и ряда иных причин, в Германии институт конституционного контроля в субъектах общепринят: конституционные суды созданы во всех германских землях. В Российской Федерации идея конституционного контроля в рамках субъекта федерации нашла поддержку в значительно меньшем, в сравнении с общим количеством, числе субъектов. В настоящее время количество субъектов, юридически оформивших статус и полномочия собственных конституционных (уставных) судов, существенно меньше, чем субъектов, которые отказались от идеи самостоятельных органов конституционного правосудия (16 из 85).

Но и там, где конституционные (уставные) суды созданы и действуют, нельзя оценить правовое регулирование столь же высоко, как германское. «Следует констатировать, что современный этап развития института

конституционного контроля в целом характеризуется поиском оптимальных моделей формирования органов конституционного контроля, учета существующей специфики в их организации, а также преодоления наметившихся факторов, дестабилизирующих их деятельность», – считает И.Л. Борова [2, с. 4].

В отношении законодательства субъектов Российской Федерации о конституционных судах весьма актуально мнение Э.И. Девицкого о том, что «целостной, законченной теории и основанной на ней эффективной системы обеспечения качества нормативных правовых актов пока не существует. Объясняется это прежде всего многоаспектностью рассматриваемых явлений» [6].

Оставляя вне поля зрения качественные показатели законодательного регулирования института конституционного контроля в субъектах Российской Федерации, стоит обратить внимание на то, что представляют собой законы о конституционном (уставном) суде субъекта Российской Федерации с точки зрения их формы, правовой природы.

С формальных позиций законодательство субъектов Российской Федерации разнородно. Правда, абстрагировавшись от частных, его можно отнести к одной из двух групп.

Первую группу представляет законодательство тех субъектов, где правовое регулирование данного вопроса не предусматривает создания каких-либо законов с особым статусом (т. е. законов, не подпадающих под категорию обычных (текущих), принимаемых и изменяемых в особом порядке).

Отсутствие у законов, регулирующих организацию и деятельность органов конституционного (уставного) правосудия в субъектах федерации, особого статуса может быть следствием одной из двух причин – либо законов с особым статусом вообще не предусмотрено, либо закон о конституционном (уставном) суде к таковым не относится.

Рассмотрим оба варианта.

Вариант первый: законодательство субъекта вообще не разделяется на виды. Все акты парламента, за исключением Конституции (Устава), имеют единый статус текущих, обычных, «республиканских» законов.

Таким образом построено, в частности, законодательство в Кабардино-Балкарии.

Как указано в статье 2 Закона о Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики, правовое положение, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Кабардино-Балкарской Республи-

ки определяются Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», Конституцией Кабардино-Балкарской Республики и *настоящим Законом* (здесь и далее выделено мной. – И.М.).

Исходя из используемых законодателем формулировок, можно заключить, что закон, регулирующий статус Конституционного Суда данного субъекта федерации, не имеет какого-либо отличительного наименования и может быть отнесен к числу обычных законов. Этот вывод подтверждается положениями Конституции Кабардино-Балкарской Республики. Согласно пункту 1 статьи 100 к полномочиям Парламента Кабардино-Балкарской Республики относится принятие Конституции Кабардино-Балкарской Республики и внесение в нее поправок; принятие и толкование республиканских законов, контроль за их соблюдением и исполнением. На основании анализа этой статьи и содержания статей 16 – 18 Конституции можно заключить, что все законы республики имеют равный юридический статус.

В соответствии с Законом о Конституционном суде Республики Башкортостан законодательство о ее Конституционном Суде состоит из данного закона и принимаемых в соответствии с ним иных нормативных правовых актов Республики Башкортостан. Аналогично законодательству Кабардино-Балкарии ни в указанном законе, ни в Конституции нет никаких упоминаний о различии законов. Все они именуется законами или республиканскими законами как синонимом.

Санкт-Петербургский Уставный суд также имеет правовую основу в виде Закона Санкт-Петербурга «Об Уставном суде Санкт-Петербурга», а в Уставе Санкт-Петербурга особой силой наделен только сам Устав города.

Второй вариант правового регулирования проблем конституционного правосудия субъектов Российской Федерации намного сложнее. К нему отнесено законодательство тех субъектов, которые вслед за федеральным законодателем официально признают существование на территории субъекта группы законов, наделенных особым статусом (конституционных (уставных) законов и т. п.). Однако оригинальность подхода законодателя состоит в том, что он не признает такого статуса за законами о конституционных (уставных) судах.

Так, среди законов Республики Бурятия выделяются законы о внесении поправок в Конституцию Республики Бурятия. Эти зако-

ны согласно статье 110 Конституции принимаются большинством не менее двух третей голосов от установленного числа депутатов Народного Хурала Республики Бурятия.

Однако ныне не действующий Конституционный суд республики имел правовую основу в виде обычного закона. Поскольку особое положение признано только за законами о поправках, такая модель представляется логичной.

Вторую группу составляет законодательство субъектов, которые не только признают существование на территории субъекта федерации законов с особым статусом, но и включают в их число законы о конституционном (уставном) суде субъекта федерации.

Например, в законодательстве Калининградской области предусмотрено существование особого вида законов, названных уставными законами. Они принимаются и изменяются в особом порядке.

К числу уставных законов согласно пункту 2 статьи 44 Устава Калининградской области относятся законы Калининградской области о введении в действие Устава (Основного Закона) Калининградской области, о внесении изменений в Устав (Основной Закон) Калининградской области, о Калининградской областной Думе, о Губернаторе Калининградской области, о Правительстве Калининградской области, *об Уставном Суде Калининградской области*, об Уполномоченном по правам человека в Калининградской области, об официальных символах Калининградской области, о выборах депутатов Калининградской областной Думы, о выборах Губернатора Калининградской области, об отзыве Губернатора Калининградской области, о наградах Калининградской области.

Однако не все субъекты федерации последовательно и полно придерживаются выбранной линии. Иногда они неоправданно используют в законодательстве как синонимы разнопорядковые термины.

Так, согласно пункту 4 статьи 62 Конституции Республики Саха (Якутия) существует группа актов с особым статусом – конституционные законы республики. Конституционные законы согласно этой статье регулируют вопросы о порядке внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Саха (Якутия), о Главе Республики Саха (Якутия), о Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), *о Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве* (здесь и далее выделено мной. – И.М.), о Правительстве Республики

Саха (Якутия), о системе исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия). На основании этого перечня можно однозначно утверждать, что закон о Конституционном суде имеет статус конституционного. Но в пункте 2 статьи 86 Конституции использовано иное наименование: здесь указывается, что организация и порядок деятельности Конституционного суда Республики Саха (Якутия) определяются Конституцией и законами Республики Саха (Якутия). О конституционном законе в статье не упоминается. Законодатель почему-то пропустил указание (или не счел нужным обратить внимание) на особый статус закона о Конституционном суде республики, тем самым приравняв его к обычному закону.

Аналогичные противоречия можно усмотреть и в законодательстве Республики Адыгея. Конституция республики в статье 6 нормативной правовой базой субъекта федерации считает только Конституцию, *Законы* и иные нормативные правовые акты республики, т. е. о законах с особым статусом ничего не сказано.

О самом существовании конституционных законов упоминается значительно ниже.

Наиболее информативны с позиций конституционных законов статьи 72, 73 Конституции республики, в которых предусмотрена особая процедура принятия данного вида законов. Однако о предметах ведения конституционных законов в этих статьях ничего нет.

Что представляют собой конституционные законы, можно более или менее определить, проанализировав статью 70 Конституции, которая посвящена полномочиям Государственного Совета. Согласно пункту 2 статьи 70 Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея по вопросам своих полномочий принимает решения в форме *конституционных законов Республики Адыгея*, законов Республики Адыгея и постановлений. Здесь же имеется перечень – по каким вопросам принимать конституционные законы, а по каким – законы: пункт 2.1 статьи 70 объясняет, что Конституционным законом Республики Адыгея принимаются поправки к Конституции Республики Адыгея (этот тезис повторен и в статье 109, гласящей, что изменения и дополнения Конституции Республики Адыгея принимаются Государственным Советом – Хасэ Республики Адыгея в форме конституционных законов Республики Адыгея).

Других вопросов, требующих такой формы, как конституционный закон, в статье нет, а в следующем разделе статьи 70 перечислены те проблемы, которые решаются посредством принятия законов республики.

Таким образом, можно заключить, что в Республике Адыгея конституционный закон – это только закон о поправках к Конституции. Исходя из буквального толкования статьи 70 Конституции закон о конституционном суде не будет иметь статуса конституционного.

Это косвенно подтверждается содержанием статей 7, 99 и 102 Конституции Адыгеи, где указано, что вопросы формирования органов государственной власти Республики Адыгея регулируются в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Адыгея, а также федеральными законами и законами Республики Адыгея (пункт 3 статьи 7); судьи Конституционного суда Республики Адыгея и мировые судьи Республики Адыгея независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации, федеральным законам, Конституции Республики Адыгея и законам Республики Адыгея (пункт 1 статьи 99); полномочия, организация, порядок деятельности и рассмотрение дел в Конституционном суде Республики Адыгея определяются Конституцией Республики Адыгея и законом Республики Адыгея (пункт 2 статьи 102).

Однако вполне логичный вывод оказывается абсолютно неверным. Вразрез с Конституцией республики статус конституционного суда, согласно официальному наименованию, урегулирован Конституционным законом Республики Адыгея о Конституционном суде Республики Адыгея.

Неоднозначность и разнородность форм правового регулирования вопроса о конституционном контроле в субъектах Российской Федерации связаны, с одной стороны, с отсутствием четких правовых предписаний по поводу правовой природы актов о конституционном (уставном) правосудии субъектов в законодательстве федерации. Но этот момент можно оценить и как положительный, предоставляющий право субъектам федерации сохранять особенности своего правового регулирования.

Другая причина, как представляется, кроется в формальных характеристиках самого федерального законодательства.

Проблема состоит в том, что федеральный законодатель назвал конституционными те законы, которые не изменяют Конституцию, но приняты по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации. Однако более привычное для зарубежной практики, в частности, в европейских государствах, название законов, принимаемых по вопросам, прямо указанным в конституции, – это законы органические [3].

Под конституционными же законами чаще всего понимаются законы иного характера. Это могут быть непосредственно конституции (Австрия) или ее составные элементы (этот вариант использован законодателем Швеции, Израиля). Однако чаще всего к конституционным причисляют те законы, которыми вносятся поправки непосредственно в текст конституций: «в зарубежных государствах... в большинстве случаев конституционный закон – это закон, который вносит изменения и дополнения в конституцию, принимается в усложненном порядке» [5, с. 38].

Таким образом, федеральный законодатель отказался от распространенной практики и пошел по собственному пути.

А субъекты федерации, в отличие от федерального законодателя, либо именуют конституционными только законы о внесении поправок в конституцию субъекта, либо объединяют под именем конституционных (уставных) законов два разнородных правовых явления – и законы о внесении изменений в текст основного акта субъекта федерации, и законы, принятые по вопросам, предусмотренным конституцией (уставом), но не имплементированным в их тексты. З.А. Абдурашидова, выбрав темой диссертационного исследования конституционно-правовой анализ организации и деятельности конституционных (уставных) судов, совершенно справедливо отмечает, что «актуальность выбранной темы... обуславливается противоречиями и отсутствием в законодательстве Российской Федерации и субъектов Российской Федерации единства подходов к содержанию базовых концепций и понятий» [1, с. 3].

На основании предпринятого исследования можно сделать несколько выводов.

Во-первых, необходимо решить вопрос о единообразном подходе к правовым категориям «конституционный (уставный) закон» и «закон о внесении поправок в конституцию (устав)». Если субъект федерации оперирует данными категориями, они должны иметь одно и то же содержание, и ни в коем случае не противоречить аналогичным категориям, используемым законодательством на уровне федерации. Это можно сделать только усилениями федерального законодателя.

Во-вторых, представляется, что закон о Конституционном (уставном) суде необходимо выделять из числа текущих законов на любом уровне, исходя из значимости вопроса о соблюдении Конституции (Устава).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдурашидова З.А.* Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации: конституционно-правовой анализ организации и деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 26 с.
2. *Борова И.Л.* Теоретико-правовые аспекты организации конституционных (уставных) судов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 27 с.
3. *Васильев Д.В.* Юридическая природа органических законов : дис. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 2003. — 190 с.
4. *Вилль Р.* Практика конституционных судов Германии по избирательным делам // Политические права и свободные выборы : сб. докл. — М. : Институт права и публичной политики, 2005. — С. 132 — 152.
5. *Герасимова Е.В., Лонская С.В.* О природе понятия «Уставный закон» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — Вып. 9. — С. 35 — 43.
6. *Девичкий Э.И.* Базовые дефекты как основа выявления концептуальных недостатков нормативных правовых актов // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4 <http://www.prolaw38.ru/bazovye-defekty-kak-osnova-vyjavlenija-konceptualnyh-nedostatkov-normativnyh-pravovyh-aktov/> (дата обращения: 01.12.2018).
7. *Иванин А.А.* Особенности регионального судебного конституционно-уставного контроля и перспективы его развития в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 30 с.
8. *Кровельщикова В.В.* Конституционные суды земель Германии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2004. — 25 с.
9. *Минникес И.В.* История конституционного контроля в России: смена парадигмы // Основные тенденции и детерминанты реформирования конституционного и административного права на современном этапе : материалы междунар. науч.-практ. конф., сост. в рамках Байк. юрид. форума (Иркутск, 21 — 22 сентября 2017 г.). — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 68 — 76.
10. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. профессор В.В. Маклаков. — 4 изд. перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2003.
11. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Т. 2. // Юридический виртуальный клуб EX-JURE <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=244> (дата обращения: 05.09.2018).
12. *Valea D.C., Marian R.B.* Law constitutionality control exercise by special body established with this aim (or European model of the laws constitutionality control // [www.upm.ro/Universitatea Petru Maior](http://www.upm.ro/Universitatea_Petru_Maior) <http://www.upm.ro/proiecte/EEE/Conferences/papers/S1A18.pdf> (дата обращения: 19.01.2018).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. *Abdurashidova Z.A.* Konstitucionnye (ustavnye) sudy sub"ektov Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoj analiz organizacii i deyatel'nosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2007. — 26 s.
2. *Borova I.L.* Teoretiko-pravovye aspekty organizacii konstitucionnyh (ustavnyh) sudov v Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2004. — 27 s.
3. *Vasil'ev D.V.* Yuridicheskaya priroda organicheskikh zakonov : dis. ... kand. yurid. nauk. — Yaroslavl', 2003. — 190 s.
4. *Vill' R.* Praktika konstitucionnyh sudov Germanii po izbiratel'nym delam // Politicheskie prava i svobodnye vybory : sb. dokl. — M. : Institut prava i publichnoj politiki, 2005. — S. 132 — 152.
5. *Gerasimova E.V., Lonskaya S.V.* O prirode ponyatiya «Ustavnyj zakon» // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. — 2010. — Vyp. 9. — S. 35 — 43.
6. *Devickij E.I.* Bazovye defekty kak osnova vyyavleniya konceptual'nyh nedostatkov normativnyh pravovyh aktov // Prolog: zhurnal o prave / Prologue: Law Journal. — 2018. — № 4 <http://www.prolaw38.ru/bazovye-defekty-kak-osnova-vyjavlenija-konceptualnyh-nedostatkov-normativnyh-pravovyh-aktov/> (data obrashcheniya: 01.12.2018).
7. *Ivanin A.A.* Osobennosti regional'nogo sudebnogo konstitucionno-ustavnogo kontrolya i perspektivy ego razvitiya v Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 30 s.
8. *Krovel'shchikova V.V.* Konstitucionnye sudy zemel' Germanii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2004. — 25 s.
9. *Minnikes I.V.* Istoriya konstitucionnogo kontrolya v Rossii: smena paradigmy // Osnovnye tendencii i determinanty reformirovaniya konstitucionnogo i administrativnogo prava na sovremennom etape : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., sost. v ramkah Bajk. yurid. foruma (Irkutsk, 21 — 22 sentyabrya 2017 g.). — Irkutsk : Izd-vo BGU, 2017. — S. 68—76.
10. Osnovnoj zakon Federativnoj Respubliki Germanii ot 23 maya 1949 g. // Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv : ucheb. posobie / sost. Professor V.V. Maklakov. — 4 izd. pererab. i dop. — M. : Volters Kluver, 2003.
11. *Shershenevich G.F.* Obshchaya teoriya prava. T. 2. // Yuridicheskij virtual'nyj klub EX-JURE <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=244> (data obrashcheniya: 05.09.2018).
12. *Valea D.C., Marian R.B.* Law constitutionality control exercise by special body established with this aim (or European model of the laws constitutionality control // [www.upm.ro/Universitatea Petru Maior](http://www.upm.ro/Universitatea_Petru_Maior) <http://www.upm.ro/proiecte/EEE/Conferences/papers/S1A18.pdf> (data obrashcheniya: 19.01.2018).